

П.Ю. Мельников

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ СЕКТАНТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

Вопросы взаимоотношений Российского государства с неправославными вероисповеданиями были актуальны на протяжении многих столетий. Пограничное положение империи, объединявшей в себе черты Запада и Востока, многонациональный состав населения, преобладание политических мотивов объединения над экономическими факторами способствовали, в определенной мере, формированию в государстве определенной религиозной терпимости. Естественно, что рамки предоставленной свободы были не широки, и нарушение установленных границ однозначно пресекалось, поскольку при этом нарушались интересы ортодоксального православия. Там, где возникала идеологическая конкуренция ортодоксальной церкви, самодержавие действовало очень жестко, тем более что с XVIII в. церковь в Российской империи стала составной частью бюрократической машины. Это во многом поясняет приниженное, по сравнению с другими религиями, положение различных христианских сект. Представляя собой разновидности христианской религии, секты волевыми волевыми вторгались в «сферу влияния» православия – со всеми вытекающими из этого последствиями. В итоге правовое положение сектантов на протяжении нескольких столетий было очень неустойчивым и напрямую зависело от усмотрения монархов.

Развитие в России буржуазных отношений внесло свои коррективы в вопросы религиозных ограничений. Как отмечалось в одном из исследований, «для России... движения за свободу вероисповедания в XVIII–XIX вв. были выступлениями верующих в защиту именно своей веры, своего поведения, своих обрядов и т. п., а не абстрактного права на религиозную свободу вообще»¹. Продвигаясь от частного к общему, на примере правового положения сектантов можно проследить процесс формирования в России принципа свободы совести.

В первую очередь, необходимо определиться с терминами. Раскольники, старообрядцы, сектанты (сектаторы) – эти формулировки зачастую смешиваются и не имеют четкого определения. Христианской сектой можно назвать объединение людей, противопоставляющих себя ортодоксальной церкви на основе различного толкования христианских догматов, использования особых обрядов, моральных и поведенческих норм. При этом с позиции господствующей церкви каждая секта является «неправильной», еретической, искажающей истинную веру; естественно, что, в свою очередь, каждая секта рассуждает аналогичным образом. Не вдаваясь в теологические споры, «исходной точкой» будем считать ортодоксальное православие, а все остальные христианские течения – сектами.

Отличие от православия – единственная общая черта всех сект; в остальном же (возраст, догматы, обряды, моральные нормы) они могли кардинально отличаться и противоречить друг другу. В то же время во всем многообразии религиозных христианских течений можно выявить наиболее крупные объединения.

В специальной дореволюционной литературе все секты делились на 3 группы: старообрядческие, рационалистические и мистические². Традиционно наименование сектантов применяется к двум последним группам; старообрядцы изначально обозначались термином «раскольники», хотя к концу XIX в. в него включались представители всех сект.

Старообрядчество появилось в середине XVII в. как альтернатива реформам патриарха Никона. В основе отличия старообрядцев лежали обрядовые мотивы (двуперстное крещение, старопечатные книги и т. д.)³. Внутри старообрядчество также было неоднородно, имело множество толков, которые традиционно подразделялись на поповцев и беспоповцев (т. е. приемлющих и неприемлющих священничество). Старообрядцы представляли наиболее лояльную к государству группу и потому в отдельные времена чувствовали себя относительно спокойно.

¹ Христианские исповедания и государственная власть в России в XVIII–первой половине XX в. // Отечественная история. 1998. № 3. С. 155.

² Ивановский Н. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1905. С. 1–2.

³ История старообрядческой церкви. М., 1991. С. 7.

В отличие от старообрядцев, сектанство имело значительно больший возраст (начиная с XIV в.), менее четкие очертания и большее своеобразие, доходившее до отрицания церкви и государства. Рационалистическое сектанство основывалось на самостоятельном толковании Священного Писания, мистическое вело познание Бога через внутреннее откровение (богослужение происходит в активной форме песен и плясок с впадением в состояние экстаза). Мистическое направление (называемое также изуверским) включало в себя, в первую очередь, скопцов и преследовалось наиболее сурово, не столько из-за жизнеотрицающего характера догматов, сколько из-за их практического воплощения, опасного и в религиозном, и в общегражданском плане.

П.Н. Милюков в качестве особенных групп выделял старообрядчество – поповского и беспоповского толков и сектанство – евангельское и духовное. Проводя между ними границу, он называл старообрядцев «охранителями старины», а за сектантами признавал «новый взгляд на религию» (что по смыслу близко к понятию рациональных сект)⁴.

В послереволюционной литературе известный специалист В. Д. Бонч-Бруевич предлагал свою классификацию сект, делившихся на секты нового, западного направления (евангельские), и старого, восточного направления (израильские)⁵; старая классификация, по мнению Бонч-Бруевича, была основой гонения на неугодные секты, которые по той или иной причине записывались в разряд изуверских.

В самом начале своего существования и сектанство, и старообрядчество (в дальнейшем для краткости называемые раскольниками) стояли вне закона. В XVII в., согласно 1 ст. 1 главы Уложения Алексея Михайловича, изрекающие «...хулу на Господа Бога нашего и Спаса нашего Иисуса Христа, ... или на честный Крест или на Святых угодников...» подлежали сожжению⁶, причем в правление Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны данная мера применялась уже не в индивидуальном, а в массовом порядке.

В XVIII в. раскольники получили юридический статус, но их положение сильно зависело от усмотрения императоров. Петр I к концу своего правления вводил не только ограничительные (запрет на занятие общественных должностей, на перемену места жительства), но и унижительные меры (ношение специальной нелепой одежды с буквами «е», «р», «w» – «вор», «еретик», «отступник»), Елизавета Петровна неукоснительно следовала политической линии отца; напротив, при Екатерине Великой раскольникам были возвращены многочисленные гражданские права, и даже само слово «раскольник» воспрещалось⁷.

Аналогичная неустойчивость наблюдается и в первой половине XIX века. Александр I придерживался тактики невмешательства: гражданским властям рекомендовалось «... терпеть оных (раскольничьих священников. – П.М.), смотря на них, так сказать, сквозь пальцы, не подавая, однако же, им явного вида покровительства»⁸, или «... не делая насилия совести и не входя в розыскания внутреннего исповедания веры, не допускать однако же никаких внешних оказательств отступления от Церкви» (о духоборцах Тамбовской губернии)⁹. Напротив, николаевское царствование отмечено взглядом на раскольников как на «тайных мятежников вообще» и переменой правительственной политики: за мнения о вере раскольники не преследовались, но эта терпимость была практически сведена к нулю в религиозном и гражданском отношениях¹⁰.

Вторая половина XIX в. для Российской империи стала переломной. Кризис крепостного хозяйства и государственного аппарата, наиболее ярко проявившийся в Крымской войне, и последующая революционная ситуация вынудили правительство встать на путь преобразований. Буржуазные принципы, положенные в основу Великих реформ, подобно кругам от камня на воде, должны были воплотиться и в других, менее заметных, но столь же значимых для страны вопросах, одним из которых был вопрос религиозный.

Еще в 1863 г. министр внутренних дел граф П. А. Валуев предложил признать прежний взгляд на раскол «несостоятельным», и «безотлагательно приступить к решению вопроса на новых началах»; предполагалось, чтобы одна только «гражданская власть была поставлена в непосредственное с расколом соприкосновение и одна ведала нарушения со стороны раскольников относящихся до них постановлений»¹¹.

Весной 1864 г. для решения поставленной задачи был образован специальный Комитет под руководством графа В.Н. Панина. Согласно его предложениям, все религиозные

⁴ См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 147–157.

⁵ Бонч-Бруевич В.Д. О религии, религиозном сектантстве и церкви // Избр. соч.: В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 371–374.

⁶ Полное собрание законов (далее ПСЗ). 1-е изд. СПб., 1830. Гл. 1. Ст. 1.

⁷ Плотников К. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1914. С. 176–178.

⁸ Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С. 27.

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ См.: Плотников К. Указ. соч. С. 183–186.

¹¹ Цит. по: Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. С. 225.

секты следовало поделить на 2 категории – более и менее вредных. В основу деления было положено не только отношение раскольников к обществу и государству (признание государственной власти и гражданских институтов), но и их расхождение в догматах с православной церковью (признание Иисуса Христа, таинств и т. д.). Комиссия предлагала наделить менее вредные секты определенными гражданскими правами (перемещение внутри империи, занятие различными видами деятельности, замещение общественных должностей) и предоставить им определенную религиозную свободу (в виде закрытых религиозных собраний и богослужений)¹². Выводы комиссии были рассмотрены московским митрополитом Филаретом и 16 августа 1864 г. получили Высочайшее одобрение.

Выводы комитета Панина носили прогрессивный характер, но рекомендация соблюдать постепенность преобразований в итоге оказалась на первом месте; видимо, свою роль сыграла и некоторая «малозначимость» проблемы – по сравнению с судебной или военной реформами – и вопросы религиозной терпимости отодвинулись на второй план. За 10 лет после комиссии Панина на практике был реализован лишь закон о регистрации раскольничьих браков от 19 апреля 1874 г.

До него, согласно Своду Законов Гражданских, «брак правоверных с раскольниками допускается не иначе как по принятии сими последними Церкви святой соединения с присягой»¹³. Венчание раскольников в православном храме означало присоединение их к государственной религии с запрещением уклонения в раскол. Таким образом, складывалась очень сложная ситуация, при которой записанные православными подданные являлись в реальной жизни раскольниками разных толков. Попытки властей решить проблему в соответствии с текущим законодательством могли дать негативный результат из-за массовости явления.

Согласно же закону 1874 г. «...раскольники, записанные в сказках X ревизии (1857 г. – П.М.) мужем и женою, признавались состоявшими в законном браке супругами»¹⁴...». Законность раскольничьих браков приобретала теперь силу по записям в специальных метрических книгах; ведение записей возлагалось на гражданские власти, причем «... исполнение соблюдаемых между раскольниками брачных обрядов ведению полицейских чинов при сем не подлежит»¹⁵.

Однако законом 1874 г. проблема решалась лишь частично. Во-первых, исходной точкой определения религиозной принадлежности объявлялась X ревизская сказка, (т. е. 1857 г.); если в более раннее время человек был записан православным, то регистрация его в числе раскольников запрещалась¹⁶. Во-вторых, незаконными и недействительными считались «... браки, заключенные между лицами, которые не принадлежат к расколу от рождения или состоят в браке, совершенном по правилам Православной Церкви»¹⁷, т. е. раскольники по факту в юридическом плане оставались православными прихожанами¹⁸.

Пытаясь ускорить решение вопроса о правовом статусе раскольников, Александр II создает еще один комитет – на этот раз под руководством А.Б. Лобанова-Ростовского; в качестве эксперта в ней участвовал П.И. Мельников, известный под литературным псевдонимом Андрей Печерский. В своих рекомендациях новый комитет пошел дальше панинского; он оставил деление сект на более и менее вредные, но в основу классификации положил исключительно гражданские критерии, без учета религиозных норм. В итоге предлагалось к более вредным сектам отнести изуверские, опасные в гражданском отношении – скопцов и хлыстов, а всех остальных наделить гражданскими правами¹⁹. К сожалению, эти рекомендации остались только на бумаге. Крупные внутриполитические события (революционная ситуация, смерть Александра II) отвлекли внимание правительства еще на 8 лет.

К вопросу о раскольниках вернулись лишь в 1882 г., когда министром внутренних дел (фактически – главой правительства) стал ненавистный всей России граф Д.А. Толстой. Его назначение было однозначно расценено обществом как отказ от либеральных преобразований²⁰. Однако при всех своих многочисленных недостатках Толстой обладал редкой в ту пору цельностью взглядов, большой работоспособностью и «умением содержать свое

¹² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1149, оп. 10; 1885 г. Д. 25, л. 29, 140.

¹³ Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ). СПб., 1900. Т. 10. Гл. 2. Отд. 2. Ст. 78.

¹⁴ ПСЗ. 2-е изд. Т. 49. № 53391. § 2. Ст. 1.

¹⁵ Там же. Ст. 9.

¹⁶ РГИА. Ф. 1284, оп. 221, д. 49, л. 1–3.

¹⁷ ПСЗ. 2-е изд. Т. 49. № 53391. § 2. Ст. 13.

¹⁸ Аналогичная ситуация складывалась в 1870-е гг. в Прибалтике (см.: РГИА. Ф. 908, оп. 1, д. 645, л. 7, 11).

¹⁹ РГИА. Ф. 1149, оп. 10. 1885, д. 25, л. 87.

²⁰ См.: *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. М., 1997. С. 95; *Милютин Д.А.* Дневник: В 4 т. М., 1947–1950. Т. 4. С. 139.

ведомство в порядке»²¹. Это стремление и послужило основой парадокса: министр-реакционер в первый же год своей деятельности проводил в жизнь разработки либеральных предшественников.

Сразу же проявились противоречия. Толстой с самого начала принял в основу законопроекта рекомендации комитета 1864 г., учитывающие интересы государственной церкви. Он не без основания подозревал, что это «...вызовет непременно оппозицию в Государственном совете в так называемом либеральном направлении»²² и даже попробовал провести свое предложение, в обход правил, через Комитет министров, но потерпел неудачу²³.

Опасения Толстого были небеспочвенны. В течение царствования Александра III Государственный совет в силу своего положения и состава постоянно выступал в роли либеральной оппозиции консервативным замыслам того или иного министра²⁴. В предложенном законопроекте основные нарекания вызывала ограниченность его применения, т. е. распространение лишь на часть сектантов. Согласно текущему законодательству Российской империи все секты делились на секты, повреждающие веру, но менее вредные в гражданском отношении, на секты особенно вредные и секты, соединенные со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь, а также с противонаравственными гнусными действиями. Градация эта не была обозначена в законе четко, что служило причиной противоречий. Например, согласно Уставу о предупреждении и пресечении преступлений, к особенно вредным сектам относились жидовствующие, скопцы, молокане, духоборы²⁵. В то же время в Уложении о наказаниях в качестве «особенно вредных» (ст. 197) упоминаются только скопцы; они же фигурируют и в последней группе (ст. 203)²⁶. Вообще причисление сектантов к сектам изуверским было весьма сложно и требовало специальной экспертизы²⁷.

Положения нового закона, по мысли Толстого, должны были распространяться на секты, уже считаемые менее вредными, что во многом совпадало с выводами комиссии Панина: «... При принятии классификации 1875 года вносилась бы рознь между взглядами церкви и правительства... всякая рознь и различие взглядов могут отражаться в вопросах отделения церкви от правительства, что в России немислимо и не может быть понято народом...»²⁸. Дополнительным аргументом служил тот факт, что рекомендации 1864 г. получили в свое время высочайшее одобрение, а действия комитета Лобанова-Ростовского выходили за рамки предоставленных ему полномочий, так как должны были опираться на выводы предшественников.

Вопреки панинской классификации либеральный Государственный совет придерживался точки зрения комиссии Лобанова-Ростовского, т. е. определял вредность секты только с гражданских позиций без учета религиозной стороны. «Все раскольники – самые верноподданные слуги, – оппонировав Толстому, утверждал адмирал И.А. Шестаков. – Для чего делать раскольникам исключение в пользу новых законами? Иноверцы и даже нехристиане ни в чем не стеснены, если не нарушают общих законов»²⁹. В итоге на совещании 21 февраля вопрос классификации решено было передать в ведение МВД и Священного синода. На этом основные противоречия были исчерпаны и 3 мая 1883 г. законопроект был подписан императором.

Согласно новому положению, все раскольники (за исключением скопцов) получали общегражданские права: на перемещение внутри империи, на занятие торговлей и промыслами, на замещение общественных должностей (с согласия местного начальства). В плане религиозном раскольникам разрешалось творить общественную молитву в частных домах, ремонтировать молитвенные здания, не меняя их внешнего вида и строить новые (по разрешению МВД); священнослужители раскольников за исполнение обрядов наказанию не подвергались³⁰.

В то же время самодержавие по-прежнему охраняло интересы православной церкви; поэтому раскольникам воспрещалось публичное проявление раскола в любом виде (крестные ходы, публичное ношение икон, употребление вне молелен церковного облачения), а также употребление в церквях атрибутов православия (внешних крестов, колоколов)³¹.

²¹ Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 1. С. 301.

²² К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 1923. Т. 1. Полутом 1. С. 263.

²³ Перетц Е.А. Дневник. 1880–1883. М.; Л., 1927. С. 144.

²⁴ См.: Ярошевская Е.М. Состав Государственного совета в период политической реакции 80 – начала 90-х гг. XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. 1982. № 5.

²⁵ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // СЗРИ. Т. 14. Ст. 67.

²⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1892. Ст. 197, 205.

²⁷ См.: Ивановский Н. О хлыстах // Журн. Министерства юстиции. 1896. № 1–2.

²⁸ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 47.

²⁹ Там же. С. 48.

³⁰ ПСЗ. 3 изд. Т. 3. № 1545. Ст. 1–5, 8 10.

³¹ Там же. Ст. 11.

В литературе закон от 3 мая 1883 года был оценен отрицательно, причем без сколько-либо значительных доводов. На первый план выдвигалась либо ограниченность новой меры («... правительство пыталось опереться на... наиболее верноподданные слои населения, бросая им какую-нибудь подачку»³²), либо аргументы вообще не приводились, а присутствовало утверждение, что «положение раскольников только ухудшилось»³³. Такой авторитетный специалист, как П.А. Зайончковский, в своем труде о правлении Александра III (самом обстоятельном до настоящего времени) уделил закону от 3 мая несколько строк в подстрочном примечании – со столь же однозначным выводом³⁴. Скорее всего, свою роль сыграл идеологический фактор: положения закона от 3 мая слишком не совпадали с общим характером внутренней политики Александра III (следует отметить, однако, что такого рода правительственные меры были исключением, нежели правилом)³⁵.

Естественно, столь краткие и категоричные заключения требуют более внимательного анализа, причем не только самого закона, но и его применения на практике.

Вопрос правового положения раскольников можно условно поделить на несколько составляющих. В первую входят положения гражданско-правового характера: прав собственности, перемещения внутри страны, занятия определенной деятельностью. Здесь, как можно заметить, закон от 3 мая практически уравнивал раскольников с остальными жителями империи, а контроль со стороны властей (ст. 4) сводился к минимуму. Утверждение раскольников на общественных должностях местным начальством – мера формальная. До 1883 г. утверждение проводилось через МВД по одной схеме: в столицу отправлялось стандартное отношение губернатора с рекомендацией «... допустить названных лиц к отправлению общественных должностей» ввиду их «нравственной благонадежности», а в ответ шел стандартный же утвердительный ответ³⁶. В архивном деле 1882 года содержится более 100 аналогичных прошений, и случаев неутверждения не обнаружено³⁷.

К плюсам закона можно также отнести систематизацию многочисленных частных постановлений о раскольниках с отменой устаревших норм³⁸.

Более противоречивой оказалась группа вопросов, касающихся религиозно-обрядовой стороны раскола. Это неизбежно вытекало из позиции авторов закона, стремящихся совместить несоединимое: предоставить раскольникам определенную религиозную свободу, не ущемляя интересы государственной церкви. Поэтому столкновения между самодержавием и сектантством происходили именно на этой почве.

Острее всего стоял вопрос о переманивании из православия в раскол, или, как значилось в Уложении о наказаниях, о совращении. Виновные в совращении, согласно закону от 3 мая, попадали под действие ст. 196 Уложения о наказаниях (наказание – лишение всех прав состояния и ссылка в Закавказье или Сибирь)³⁹. Причем, согласно заключению МВД по одному из аналогичных дел, «... закон карает... за то, что последствием такой деятельности (в рассматриваемом случае – проповеди. – П. М.) является отпадение кого-либо в раскол, и таким образом нарушаются интересы господствующей церкви... Закон умалчивает о форме, в которой может выражаться такое преступное деяние... форма деяний не существует для состава настоящего преступления и сюда можно подвести как и уговор кого-либо перейти в раскол, так и публичное проповедование оно и даже публичное, соединенное с толкованием, чтение раскольничьих книг и т. п.»⁴⁰.

Однако ст. 196 наказывала за фактическое совращение, т. е. за деятельность, в результате которой произошел переход православного прихожанина в раскол. Согласно Н.С. Таганцеву, это условие должно было быть признано в ответах присяжных⁴¹. Чаще же властям приходилось сталкиваться с публичной проповедью (пусть и без последующего совращения), которая также запрещалась законом от 3 мая и наказывалась в соответствии со ст. 189 Уложения о наказаниях (виновные приговаривались к тюремному заключению, а при рецидиве – к лишению всех прав со ссылкой в Сибирь или отдаче в исправительные арестантские отделения⁴²). Это положение даже подтверждалось отдельным законом 1889 г. – видимо, в ответ на многочисленные жалобы священничества. Тем же законом от

³² Бонч-Бруевич В.Д. Старообрядчество и самодержавие // Избр. соч. Т. 1. С. 90.

³³ Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 409.

³⁴ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1973. С. 109.

³⁵ См.: Мельников П.Ю. Министерство внутренних дел Д.А. Толстого: нестандартные решения // Эволюция человека и общества. Методология. Теория. Практика. Саратов, 2001.

³⁶ РГИА. Ф. 1284, оп. 221, д. 2, л. 79–80.

³⁷ Там же. Л. 1-206.

³⁸ ПСЗ. 3-е изд. Т. 4. № 2189.

³⁹ Уложение о наказаниях... Ст. 196.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1284, оп. 221, д. 47, л. 11.

⁴¹ Уложение о наказаниях... Ст. 196. Прим. 1.

⁴² Там же. Ст. 189.

рассмотрения дел о раскольниках отстранялись все лица неправославного исповедания, начиная от секретаря уездного постановления и заканчивая губернским прокурором⁴³.

К «публичности оказания раскола» стал относиться и вопрос о молитвенных домах. Закон от 3 мая разрешал раскольникам «творить общественную молитву,... совершать богослужения по их обрядам как в частных домах, так ровно и в предназначенных для этого зданиях»⁴⁴, однако в данном случае раскольникам пришлось столкнуться с произвольным толкованием закона местными властями. Под фразой «творить общественную молитву в частных домах» стали понимать лишь членов семьи домовладельцев без участия единоверцев. За допущение последних к собранию домовладельцы привлекались к уголовной ответственности, а вся церковная утварь конфисковывалась для единоверческих церквей. Только в 1897 г., кассируя приговор Московской судебной палаты по делу Сорокина, «... Правительствующий сенат разъяснил, что богомоление в частном доме с участием посторонних лиц одной веры не составляет преступлений против закона от 3 мая 1883 г., и что внутреннее устройство богомоления не подлежит конфискации как частная собственность владельцев, приобретенная ими на собственные средства»⁴⁵.

К наиболее существенным погрешностям нововведения Толстого следует отнести отсутствие классификации сект на более и менее вредные. Несмотря на длительные споры, в тексте закона нет указания, на кого он будет распространяться. Более того, при решении ряда вопросов (распечатывание старых молелен, строительство новых, вступление в иконописные цехи) закон прямо отдавал дело на усмотрение министра внутренних дел, который «... делает надлежащие распоряжения относительно раскольников, сообразуясь как с местными условиями и обстоятельствами, так и равно с нравственным характером учения и другими свойствами каждой секты»⁴⁶ (разрядка моя. – П. М.). Это, к сожалению, типичная черта министра Толстого – замыкать решение вопросов, часто очень незначительных, на свое ведомство. Столь нечеткая формулировка не замедлила проявиться в 1894 г. (организация гонений на штундистов) и в 1900 г. (попытка давления на белокрыницкую церковь).

Ситуация, впрочем, редко доходила до критической точки, поскольку раскольники находились в ведении не духовного, а гражданского ведомства. Последнее, в отличие от Священного синода, в своих действиях часто исходило не из идеологических установок, а из конкретных жизненных ситуаций. Отсюда и двойственность администрации в отношении к раскольникам. С одной стороны, губернаторам рассылались циркуляры с требованиями «... следить за точным и неуклонным исполнением закона от 3 мая, воспрепятствовавшему сектантам всякое публичное оказание раскола»⁴⁷; от судебных дел по расколу отстранялись чиновники неправославного исповедания; при конфликтах раскола и православия МВД неизменно держало сторону последнего. С другой стороны, достижения закона от 3 мая признавались оптимальными, а просьбы о «нестандартной» поддержке оставались без внимания. Эта тенденция усиливалась по мере удаления от столицы: по данным Священного синода, «прежние губернаторы Амурские, на возражения местных православных против заселения Благовещенска большинством сектантов отвечали, что им нужны граждане, какого бы вероисповедания и племени не были бы они»⁴⁸.

Закон от 3 мая ничего не менял в вопросах брака, который по-прежнему регулировался положением 1874 г. Здесь раскольники находились в более приниженном положении по сравнению с другими христианскими исповеданиями. И те и другие при заключении смешанных браков обязаны были использовать обряды и крестить детей по православным канонам, а также не склонять супруга к отпадению от ортодоксальной церкви. Но раскольники, сверх этого, обязаны были сами перейти в православие, что от остальных христиан не требовалось⁴⁹.

Итак, при оценке правового положения раскольников во второй половине XIX века акцент зачастую смещается из законодательной сферы в сторону правоприменения. Из приведенных фактов очевидно, что в конце XIX в. все преследования сектантов очень часто велись незаконно, по преступной инициативе местных властей и вопреки правительственными постановлениями. Более того – есть данные о судебном решении в пользу раскольников (1897 г. – о разрешении творить общественную молитву в частном доме) или о специальном циркуляре министра внутренних дел, в котором «... министерство предлагает гг.

⁴³ См.: ПСЗ. 3-е изд. Т. 9. № 5697. Ст. 1–3.

⁴⁴ Там же. Т. 3. № 1545. Ст. 5.

⁴⁵ Цит. по: Бонч-Бруевич В.Д. Старообрядчество и самодержавие... С. 91.

⁴⁶ ПСЗ. 3-е изд. Т. 3. № 1545. Ст. 12.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1284, оп. 238, д. 66, л. 21.

⁴⁸ Там же. Оп. 221, д. 8, л. 7.

⁴⁹ Свод законов гражданских... Ст. 63.

губернаторам иметь наблюдение, чтобы никаких гонений и притеснений местным старообрядцам делалось не было со стороны властей»⁵⁰.

Таким образом, правовое положение христианских сект во второй половине XIX в. изменялось в соответствии с буржуазными принципами развития общества. От двойственности Александра I («... смотреть на них, так сказать, сквозь пальцы...»), от запретов и гонений Николая I в конце XIX столетия раскольники перешли к юридическому признанию и уравнению в ряде прав с остальными жителями империи. Трансформация их положения шла постепенно, без непосредственного давления «низов», поэтому велась бюрократическими методами, в соответствии с интересами государства, в первую очередь, что и послужило причиной компромиссного характера преобразований. Такая половинчатость становилась объектом критики исследователей, причем зачастую политизированной и необоснованной. На первый план выдвигались те нерешенные противоречия, которые носили кардинальный характер и традиционным путем решены быть не могли.

В целом, весь круг решаемых правительством вопросов можно условно поделить на 2 группы. К первой относятся нормы, предоставляющие раскольникам гражданские права (на перемещение, занятие определенной деятельностью, на замещение выборных должностей, закрепляющие законность браков). Здесь наблюдается практически полное уравнение раскольников с остальными жителями империи. Во вторую группу включаются вопросы легитимности раскольничьих религиозных обрядов: разрешения исполнять духовные обряды, возводить и ремонтировать церкви, иметь своих наставников. По этим положениям власть заняла двойственную позицию: многое дозволялось, но только с разрешения министра. Минусом здесь можно считать отсутствие в законе классификации раскольничьих сект, в результате чего каждое разрешение зависело от усмотрения властей. Кроме того, по ряду положений государство заняло очень жесткую позицию, не отступая с нее ни при каких условиях; эти проблемы можно обозначить как вопросы «конкуренции» (публичность оказания религии, переход из православия в раскол, различные вероисповедания в браке). Православие являлось государственной религией, и потому всякое с ним соперничество было для раскольников невозможно (впрочем, это касалось всех остальных религий).

Не следует рассматривать эти недостатки как простую ограниченность законодателей. Противоречия такого уровня можно считать краеугольным камнем принципа свободы совести; ввести в действие этот принцип традиционными бюрократическими методами в стране без должной правовой культуры и давления общества представляется нереальным: слишком радикальный характер будут носить перемены. Поэтому государство пошло на дальнейшие уступки – но уже под влиянием революционных событий XX века.

---

⁵⁰ Цит. по: *Бонч-Бруевич В.Д.* Старообрядчество и самодержавие. С. 98.